

СЧАСТЛИВЫЕ РОМАНЫ

ОЛЕГ РОЙ

*Одно чудесное
пари*

Москва
2022

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Р65

Оформление серии *Е. Куликовой*

Редактор серии *А. Самофалова*

Рой, Олег.

Р65 Одно чудесное пари : роман / Олег Рой. — Москва : Эксмо, 2022. — 384 с.

ISBN 978-5-04-167904-0 (Счастливые романы)

ISBN 978-5-699-86939-8 (Капризы и странности судьбы)

Прекрасной Маргарите во что бы то ни стало нужно вернуть былое расположение отца. Ради этого она соглашается на пари – полгода поработать на стройке по своей специальности «Дизайн жилых помещений». Но московская стройка – это не лондонское дизайн-бюро! И первое столкновение с прорабом выбивает почву из-под ног капризной красотки. «Бежать отсюда!» – главная мысль Маргариты. «Беги отсюда!» – главное пожелание строителей. Но обещание отцу дано, и как-то совсем не хочется в который раз убеждать родителя в своей абсолютной жизненной непригодности!

УДК 821.161.1-31

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-167904-0
ISBN 978-5-699-86939-8

© **О. Рой**, 2022

© **Оформление. 000 «Издательство «Эксмо», 2022**

*Памяти моего сына Женечки
посвящается*

Глава первая

Будни «БилдСтроя»

Главный девиз двадцать первого века состоит всего из трех слов. И звучит он так: **НЕРВЫ НАДО БЕРЕЧЬ**. В наше бешеное стремительное время без устойчивой нервной системы вообще никуда. Примерно так же, как без мобильного телефона и Интернета. Будешь принимать близко к сердцу все, что происходит вокруг, станешь сильно переживать даже из-за значимых вещей, не говоря уже о пустяках — гарантированно сломаешься. Просто не выдержишь, сойдешь с дистанции, не доберешься до победного финиша.

Разных методик и техник для восстановления душевной гармонии и сохранения психологического равновесия за всю историю человечества было придумано очень много, причем одна авторитетнее другой, но Михаил Викторович Еремин, солидный человек, глава строительной компании «БилдСтрой», для укрепления своей нервной системы прибегал к весьма нехитрым практикам. По его глубокому убеждению, они действовали ничуть не хуже модных еще во времена его молодости упражнений аутотренинга, мудреных восточных медитаций, которыми все так

увлекаются в наши дни, и прочих заковыристых штук. «Метод Еремина» заключался всего лишь в том, что несколько раз в день он напоминал сам себе какую-нибудь простую, но вечную житейскую истину. Например: «Не зацикливайся на проблемах и увидишь, что вокруг полно куда более интересных вещей».

Взять те же автомобильные пробки. Жуткие заторы на шоссе, машины, ползущие с черепашьей скоростью, невыносимо долгое ожидание и непомерно растягивающееся время дороги, когда на путь, который в нормальных условиях можно проделать минут за пятнадцать, нужно потратить часы... Однако и то, что пробки тебя жутко бесят, и то, что из-за них ты теряешь время и нервы, всюду опаздываешь и ничего не успеваешь, — все это дело второе. А первое дело заключается в том, что от них в Москве все равно никуда не деться. Как от холодного ноябрьского дождя, жгучего январского мороза или июльского невыносимого асфальтового зноя. А значит — нечего без толку кипятиться, поминутно смотреть на часы, проклинать перегруженные узкие улицы, нерасторопных дэпэзсников и наглых водителей, норовящих подрезать тебя при каждом удобном и неудобном случае. Надо взять себя в руки, спокойно отрешиться от всего внешнего и обратить данное досадное обстоятельство себе во благо. Ведь только ты можешь построить своими руками то, что не под силу даже спроектировать кому-то другому.

Так что Михаил Викторович всегда стремился извлечь максимальную пользу из тех тягостных минут, что выпадали ему на долю, когда он вяло двигался в своей машине по улицам столицы.

Ну как бы он еще выкроил время в своем непростом графике, чтобы просмотреть новости в Интернете, позвонить туда и сюда, поторопить подрядчиков и поставщиков, просмотреть текущие документы, набросать планы на следующий квартал? А тут, коли уж застрял в непробиваемой пробке — сиди и работай себе на нетбуке. Или сделай еще массу полезных дел. Например, закажи цветы для жены Ирины — так сказать, «упреждающий букет». Вечером у Еремина намечалась встреча в ресторане. Закончится она наверняка поздно, и он вернется домой навеселе. Так что лучше подстраховаться, принять, как говорит его юристконсульт, превентивные меры. Именно так Михаил и поступил. Набрал номер цветочного магазина, договорился с милой девушкой о букете, после чего нажал кнопку отбоя и обратился к водителю:

— Какие прогнозы? Долго нам еще ехать?

— К утру точно доберемся, Михал Викторович! — попытался сострить водитель, но вышло неважно. Он и сам это понял и поторопился спасти положение, спешно добавив: — Нам, главное, сейчас до перекрестка дотянуть, а там, глядишь, поживее пойдет.

Михаил рассеянно посмотрел в окно. Впереди машины, слева машины, справа, позади... Может, Москва и не резиновая, но пока еще достаточно эластична. Кряхтит, но впускает всех вновь прибывших, дает каждому кров и пищу, а желающим и работу. Именно по этой причине Еремин, в отличие от многих столичных жителей, не только не был против «понаехавших», но даже наоборот — всячески приветствовал политику гастарбайтерства. И правда, кто бы у него на объектах работал, если бы не приез-

жие? Столичные жители сейчас капризные стали, на работу, где необходим физический труд, их калачом не заманишь. Не смущала Еремина и другая проблема, на которую жаловались многие коллеги, — теснота в городе. «Вы еще скажите спасибо, что у нас не как в средневековом Париже или Мадриде, — усмехаясь, говорил им Михаил. — Когда с соседом из дома напротив через окно за руку здоровались. Вот тогда действительно было тесно, а сейчас — простор, высота, размах!» И он действительно так думал. Только бы построить еще хорошие дороги, да чтоб в несколько уровней... Тогда и пробок не станет, и можно будет всюду успевать. Как раньше, еще лет десять-пятнадцать назад, когда он выезжал из дома в восемь утра — и добирался до офиса вовремя и без всяких приключений. А сейчас все, прикрыли лавочку. Еще и половины восьмого нет, а машины уже прочно стоят...

На стекло автомобиля опустился залетевший откуда-то желтый лист и почему-то напомнил об отрывных календарях, какие были в далекие времена детства. Еремин усмехнулся: только по таким знакам природы и замечаешь иногда, что уже осень на дворе. А то ведь вся жизнь так проходит — из офиса в машину, со стройплощадки на деловую встречу, время меряешь только графиком сдачи объектов. Или НЕсдачи, что весьма неприятно, потому как случаи за всю его жизнь, когда строительство укладывалось в срок, можно было по пальцам пересчитать. Вот теперь об этом болела голова. Особенно беспокоила многоэтажка в Вешняковском проезде, имевшая все шансы попасть в категорию «долгострой». Мириться с этим Еремин, конечно, не собирался,

он никогда не уставал повторять: «Всегда стремись к тому, чтобы владеть ситуацией, а не идти у нее на поводу». Но ведь не от него одного все зависит...

На объекте в Вешняках Еремин был вчера вечером, посмотрел на заметную уже издалека серую бетонную коробку, высоко, словно толстая свечка, вздымавшуюся над старыми домами. Строители почему-то окрестили здание «Неваляшкой», и с их легкой руки название подхватили и местные жители. Почему, собственно, «Неваляшка», а не как-то иначе, никто толком понять не мог, но вот поди ж ты — сорвалось словцо у кого-то с языка, да и прижилось. Впрочем, так нередко бывает.

«Неваляшка» смотрелась пока еще довольно страшновато. Развороченная строительная площадка вокруг серого остова будущего здания, обшарпанные синие бытовки. Рев моторов, грохот работающей техники... И повсюду, куда ни упадет взгляд, — горы строительного мусора. Впрочем, стройка чуть ли не до самого последнего своего этапа — зрелище вообще малопривлекательное. И всегда непростое испытание для людей, живущих с ней по соседству. Никаких тебе положительных эмоций, сплошные неудобства, и, как следствие, активное недовольство.

Весть о строительстве «Неваляшки» местные жители дружно восприняли в штыки. Причины этой бурной неприязни для Михаила так и остались тайной, поскольку ничего хоть более или менее ценного на месте будущей многоэтажки отродясь не бывало. Было бы понятно, если б обитатели района лишились любимого продуктового магазина, жалели бы снесенный благо-

устроенный сквер или хотя бы возмущались тем, что перенесли удобную автобусную остановку — так ведь нет, ничего такого не было и в помине! Просто заброшенный пустырь.

Первый натиск возмущенных аборигенов — преимущественно пенсионеров — строители «Неваляшки» пережили еще на нулевом цикле, при закладке фундамента. Забор, огораживающий территорию стройки, несколько раз пытались сломать или повалить, а когда не вышло, какие-то «народные умельцы» исписали его агрессивными нецензурными посланиями, адресованными строителям, сопроводив их соответствующими иллюстрациями. И это еще цветочки, кроме забора, было много всего другого: и коллективные письма во все возможные и невозможные инстанции с многочисленными подписями жильцов, и жалобы в полицию, которая в самое неожиданное время наносила визиты с целью проверки документов, и даже пикеты с транспарантами.

Один особо упорный дедок дошел до того, что объявил в знак протеста голодовку, расположился на пустыре у стройки в старой брезентовой палатке, видимо, чудом сохранившейся со времен его походной молодости в оттепельные шестидесятые, и потребовал вызвать к нему телевидение. Но телевидение так и не приехало, зато начались дожди, за пару дней палатка насквозь промокла, и захворавший «протестант» благоразумно убрался восвояси. Впрочем, «идейную борьбу» он не прекратил и дома. Не дождавшись корреспондента центрального телеканала, дал возмущенное интервью стажерке районной газеты. На какие-такие шиши «они» строят эти свои шикарные дома? Не для простых

ведь людей, а для «новых русских»! Он, дедок, уже который год не может со своей пенсии на приличный телевизор накопить. А тут еще этот небоскреб у него прям под окнами вылезет, все солнце ему перекроет!

В общем-то, в этих словах была некоторая доля истины, окна дедушкиной квартиры и впрямь утыкались в «Неваляшку». Так что полная юного энтузиазма стажерочка попыталась развернуть целую кампанию, но Еремин, узнав об этом, лишь усмехнулся. Он всегда знал: если в какой-то момент тебе стало тяжело идти по жизни — значит, ты движешься по ней вверх. Он не сомневался, что выйдет из этой борьбы победителем. Уж больно неравны силы: где глава концерна «БилдСтрой» — и где начинающая журналистка из районной многотиражки. Так, разумеется, и получилось. Соответствующая инстанция посмотрела сквозь пальцы на некоторые небольшие нарушения. Да, действительно, в соседних домах стало немного темнее, и прежнего обзора нет — зато сотни людей получают крышу над головой. В общем, этот вопрос утрясли, и больше он Михаила не тревожил. Сейчас его заботило совсем другое: Сидоренко, прораба с «Неваляшки», необходимо было срочно перебросить в Мытищи, на другой авральный объект. Сидоренко — человек проверенный и опытный, он, бог даст, сумеет наладить работу в Мытищах, где стройка только началась, а уже все не ладится и идет кое-как. Но тогда получится как в старой поговорке про короткое одеяло, потому что в Вешняки нужно будет быстро подыскать достойную замену Сидоренко, а где ее взять? Имелся у Михаила один человек на примете — по рекомендации родственника, но справится ли он?

Почувствовав, что начинает волноваться, Еремин несколько раз глубоко вздохнул. Глубокий вдох и медленный выдох, вдох — выдох... Тоже помогает, между прочим. По крайней мере, удается взять себя в руки и установить контроль над ситуацией. Ведь только от тебя зависит — ты будешь решать или обстоятельства.

Пробка, наконец, рассосалась, и к девяти утра Михаил Викторович все-таки добрался до работы. Водитель собирался, как обычно, въехать на территорию офисного центра, но шеф остановил его:

— Высади-ка меня у входа. Немного пройдуся.

Ему и впрямь захотелось чуть-чуть подвигаться, размять ноги после долгого сидения в замкнутом пространстве. Михаил вышел из машины, вдохнул полной грудью свежий, не испорченный кондиционером воздух, оглянулся по сторонам. Пасмурное утро вступало в свои права, легкая туманная влажность мягко окутывала деревья и здания и сгущалась серой дымкой у блестящих мокрых крыш.

Еремин миновал пропускной пункт, кивнув почтительно вытянувшимся в струнку дежурным охранникам, неторопливо пересек двор офисного центра и поднялся по ступеням на широкое округлое крыльцо, затененное козырьком, покоящимся на двух колоннах. Сенсорные двери приветливо распахнулись перед Михаилом Викторовичем, впуская его внутрь здания. Он направился к лифтам. Встав у дверей в ожидании свободной кабины (на этот момент все лифты отчего-то собрались в районе десятого этажа, будто у них там проходило рабочее совещание), шеф не без удо-

вольствия отметил, как сотрудники, узнав его, почтительно замолкают, вежливо здороваются и норовят посторониться, пропуская его вперед. Он мысленно сказал себе: «Подними голову повыше и держи нос по ветру. А теперь глубоко вдохни и почувствуй — это волшебный запах успеха!»

Михаил Викторович огляделся. Толпа у лифтов собралась уже немалая, некоторые были Еремину знакомы, как, например, стоявшая рядом с ним высокая колоритная брюнетка в обтягивающем платье, подчеркивающим ее роскошные формы. Михаил помнил, что она работает в отделе снабжения и зовется Ангелиной.

Слишком долго и пристально смотреть на декольте Ангелины было неприлично, и потому взгляд Еремина отправился блуждать дальше и переметнулся на двух топтавшихся рядом строителей. Эта парочка в выдавших виды форменных комбинезонах, которую невеста каким ветром занесло в головной офис, смотрелась на фоне дресс-кодированного «офисного планктона» в галстуках и отглаженных рубашках нелепо, как килька в томате на блюде с пирожными. И этот контраст чувствовали обе стороны. Клерки брезгливо морщились и старались держаться подальше от строителей, точно боясь запачкаться об их рабочие робы. Строители, в свою очередь, выказывали свое пренебрежение к «белым воротничкам» и разговаривали демонстративно громко.

— Я ей говорю: «Вашей маме зять не нужен?» — рассказывал складный, дочерна загорелый парень, совсем молодой, лет, максимум, двадцати — двадцати двух. — А она смотрит на меня вот такими глазами! Точно на монстра из этого фильма, как его...

— Дык чему ты удивляешься? — хмыкнул его собеседник. Ему можно было дать все пятьдесят, а то и больше — лицо в глубоких морщинах, а ежедневные «сто грамм» в честь конца смены добавили синюшных красок к портрету. — Она небось тоже какая-нибудь секретутка из офиса. Вот и думает: чего этот чумазый ко мне липнет? Кто он такой?.. Я-то вся из себя расфуфыренная, чистенькая, надушенная — как он со своим цементом под ногтями ко мне в китайские трусы полезет...

— Да я получаю в два раза больше ее, а то и в три, — горячился парень. — Я бы ей самые крутые трусы купил. А то и вообще посадил бы дома. Пусть себе сериалы смотрит, борщ варит да детей растит. А деньги я уж как-нибудь сам заработаю.

— Не, — покачал головой старший. — Скажу тебе: это последнее дело — бабу с работы выдергивать. Очумеет от скуки дома, начнет к тебе прикапываться. Где был, с кем, да когда придешь, да чего бухой, да чего денег так мало... Помяни мое слово. Я, когда молодой был, точно так и облажался. Надька заняла, мол, надоело мотаться на другой конец города, я сдуру и говорю — увольняйся. А через полгода прямо взвыл, такую плешь она мне проела. И я тогда, не будь дурак, определил ее в цветочный магазин — букеты заворачивать. Враз человеком стала. С утра встает, красится, наряжается, будто на свиданку собирается. Я шучу — ты кого, мол, охмурять собралась, паразитка? А она мне этак обиженно — у меня работа, мне нужно выглядеть соответственно. А так сидела дома, клуша клушей, в халате да тапках, целыми днями нечесаная. Только толстела да меня пилила...

Невольные слушатели «откровений из народной жизни» страдальчески поднимали глаза вверх на индикаторы движения лифтов и изо всех сил делали вид, что не слышат этих разговоров. Наконец их терпение было вознаграждено: одновременно спустились сразу два просторных лифта и повезли мучеников наверх.

В кабине Михаил Викторович стал свидетелем уже совсем других разговоров. За его спиной женский голос негромко, но довольно живо рассказывал:

— ...так вот, в этой книге мне попались замечательные слова: «Если тебе скучно и давно не было проблем — тебе обязательно надо влюбиться! А если проблемы не нужны, оставь это гиблое дело». И я подумала: как это верно сказано, как верно! Действительно, иногда позволяй логике и здравому смыслу побороть обманчивые чувства...

Стоявший рядом с Михаилом низкорослый молодой человек с аккуратной бородкой сердито что-то выговаривал вполголоса нескладной девице, бывшей выше его на голову. Девица виновато опускала глаза и краснела, принимая начальственный нагоняй. А в это же время на глазах у Еремина происходил другой, безмолвный, но столь же исполненный внутреннего драматизма диалог: две до блеска отполированные дамочки под тридцать напряженно исследовали внешность друг друга. Дотошно оценивалась каждая деталь, от туши для ресниц — не дай бог, ресницы слипнутся — что скажут девочки в отделе? — до туфель. Уж не Маноло ли Бланик? А подвеска, неужели от Тиффани? Ну, сумочка-то понятно, Виттон.

У каждой работницы офиса должна быть сумка Виттон, это вопрос чести. Девушка может путать Ван Гога с Ван Даммом, считать, что Ангара — это курорт в Турции, и уверять всех, что супругу Пушкина звали Наташей Ростовской, и ей это простят. Но не иметь сумку Виттон — это верх неприличия!

Михаил только усмехался, глядя на эту безмолвную дуэль. Сам он считал, что стремиться к общим, универсальным стандартам внешности — безумие.

Кабинет Еремина находился на двенадцатом этаже. Таня, секретарь-референт, как всегда, была уже на месте и, как всегда, приподнялась, увидев шефа. Она напоминала ему в такие моменты школьницу-отличницу, которая дисциплинированно встает, когда в класс входит учитель.

— Доброе утро, Михаил Викторович!

— Доброе, Танечка, доброе. Будь любезна, свари-ка кофейку, да позови ко мне Ковальчука.

Войдя в кабинет, он первым делом распахнул окно — пусть кабинет проветрится. Свежий воздух Еремин любил, и даже то, что на дворе было прохладно — осень в этом году пришла в Москву четко по расписанию, — его не смущало. Станет холодно — можно и закрыть. Повесив куртку на плечики и убрав ее в шкаф, Михаил Викторович удобно устроился в кожаном кресле и открыл ноутбук. Вскоре дверь приотворилась, и в проеме показалась лысеющая голова директора по персоналу.

— Вызывали, Михаил Викторович?

— Да, Андрей, входи. — Еремин кивком указал Ковальчуку на кресло для посетителей. — Хотел поговорить с тобой насчет Вешняков...

— С отделочниками все в ажуре, — заверил Андрей. Судя по всему, он был очень рад возможности похвалиться перед начальством, аж лысина заблестела от удовольствия. — Штат полностью укомплектован.

— Это отлично, — кивнул Еремин. — Но тут, понимаешь, такое дело... Я уж крутил, прикидывал и так, и этак... Все равно придется прораба из Вешняков на другой объект перебросить. В Мытищи.

— То есть как это? — вскинул брови Ковальчук. — А с Вешняками как же?

— Другого поставим.

— Михал Викторыч, — взмолился директор по персоналу, — где же я сейчас другого прораба возьму? Да еще такого, как Сидоренко? Он же у нас лучший, такие на вес золота, можно сказать.

— Расслабься! — Еремин сделал успокаивающий жест. — С этим уже все решено, у меня есть человек на примете. Меня за него брат двоюродный попросил. Серега всю жизнь на флоте, вот и хлопчет за своего бывшего сослуживца.

Михаил отметил застывшее на лице собеседника уважительно-заинтересованное выражение и продолжил:

— Парня этого зовут Георгием Капитоновым. Его из-за какого-то происшествия списали на берег. Вовка клянется-божится, что ничего криминального — просто так обстоятельства сло-

жились. Очень просил за него. Говорит, мужик толковый, энергичный и весьма надежный — не подведет. Встречался я с этим Капитоновым тут на днях — по виду парень и впрямь толковый. Я подумал-подумал и решил: назначим его прорабом в Вешняки. Специального образования у него, конечно, нет, но дело знает — держал свою фирмочку, которая занималась ремонтами. Он к тебе в одиннадцать придет, ты уж не тяни там с оформлением. Времени вообще нет.

— А справится он? — покачал головой Ковальчук. — Все-таки отделка многоэтажного дома — это не ремонт квартирки...

— Будем надеяться, что справится, — заверил Михаил Викторович. — Все осуществимо. А если кажется неосуществимым, то просто потребует чуть больше времени и усилий.

Некоторое время директор по персоналу сосредоточенно молчал, машинально поглаживая лысину.

— Может, вы и правы, — задумчиво проговорил он после долгой паузы. — Может, это и хорошо, что он с флота. На флоте дисциплина — первое дело, а дисциплина нашему, извините за выражение, контингенту очень нужна. А эти наши... горе-строители из Средней Азии, Молдавии или даже из Украины... Норовят ничего не делать, а деньги любят получать. Чуть отвернешься — всю стройку разворуют и из-под полы продадут на сторону.

— Ой, Андрей, кончай ты со своим шовинизмом, — поморщился Михаил Викторович. — Все мы одинаковые, что из Украины, что из Средней Азии, что нерусские, что русские... Да и что такое — русские? Как говорил великий классик, в народе нашем

чудь начудила и мерь намерила. А ты... эх! По-человечески нужно к людям подходить, с вниманием. Вот я дочь свою пытаюсь этому научить, и — никак, — неожиданно пожаловался он. — Растет этакой гламурной штучкой, на всех, кто не такой, как она, свысока смотрит. Хотя, конечно, в этом я и сам виноват. Избаловал. Но кто бы этого не сделал на моем месте? Это же такое счастье, когда к тебе успех приходит, когда то, что ты делаешь, и людям нужно, и вдобавок хорошо вознаграждается! Конечно, мы с женой были довольны, когда зажили в достатке. Ира все повторяла: «Примерь на себя счастье — оно тебе очень к лицу!» Ну, и дочке старались дать все, что могли. И даже больше. А теперь вот плоды пожинаем.

Тут он запнулся на полуслове и запоздало понял, что разоткровенничался явно не в том месте и не с тем собеседником. У Ковальчука был совершенно растерянный вид, он, похоже, понятия не имел, как правильно реагировать на внезапное доверительное признание босса. И Еремин успокаивающе махнул рукой.

— Извини, что-то я разболтался не ко времени. Иди, не буду больше тебя задерживать.

Ковальчук торопливо ретировался. Едва за директором по персоналу закрылась дверь, как у Михаила в кармане пиджака зазвонил мобильник. Это был «второй», или «личный», аппарат, которым Еремин никогда не пользовался для деловых переговоров, номер знали только друзья и родственники.

Кинув взгляд на дисплей, Михаил Викторович усмехнулся не без горечи. Дочка. Легка на помине. Не иначе, Марго срочно понадобил-

лись деньги. Другого повода поговорить с отцом у нее не бывает. Ни по телефону в разгар рабочего дня, ни дома, в тихий семейный выходной, когда Марго изредка вспоминает, что у нее есть родители.

— Слушаю тебя, — сухо проговорил Еремин в трубку. О его переживаниях по поводу дочери, что она выросла чужим человеком, избалованным, равнодушным и меркантильным, никто не должен догадаться. Там сейчас она, Маргарита.

— Папуль, — нежно пропела Марго в трубку, — у меня к тебе очень важное дело.

Еремин невольно усмехнулся. Правду говорят, что, когда у мужчины рождается сын, мужчина становится отцом. В крайнем случае, батей. А когда рождается дочь — папулей.

— Сколько тебе нужно? — сдержанно поинтересовался Михаил Викторович.

Глава вторая

Красотка Маргарита

— Сколько тебе нужно? — прозвучало в телефоне, и, как обычно, эта отрывистая равнодушная фраза больно царапнула Марго по сердцу. Ну почему он так говорит с ней, почему? Будто она, его единственная и, между прочим, когда-то очень любимая дочь, не может позвонить ему по какому-то другому поводу — не только из-за денег.

Случись такое еще совсем недавно, она бы обиделась. И от досады повела бы себя именно так, как папа и ждет. Вот просто из вредности. И сумму бы заломила побольше. Раз он считает, что бабки — это единственное, что их связывает, пусть раскошелится. Но теперь... Теперь все изменилось. Не зря же она потратила столько времени и денег на психолога! И сейчас она полностью подкована и полна решимости. Пора начинать новую жизнь. Или хотя бы строить именно такие отношения с отцом, к которым она стремилась. Кажется, так это назвал Дмитрий Сергеевич. «Не трать времени на предсказание своего будущего — начинай уже сегодня строить его своими руками!» — сказал он тогда. Во время последней беседы психолог явственно дал понять Марго, что, кроме нее самой, никто никогда не изменит ее жизнь. Ни целиком, ни по частям. А папа — это очень важная часть ее жизни...

Неимоверным волевым усилием Марго постаралась удержать эмоции под контролем. Опустилась спиной на подушки, поудобнее устроилась на своей любимой круглой кровати, выбранной по каталогу и привезенной из Италии, и как можно более миролюбиво проворковала все заранее заготовленные фразы:

— Я совсем не за этим звоню, папуль. Не волнуйся, ничего из ряда вон выходящего не случилось. Просто решила, что мы очень давно с тобой не общались в неформальной обстановке, не разговаривали по душам. А мне этого ужасно не хватает. Я понимаю, ты занят, но, может, выкроишь для меня в своем плотном графике хотя бы часок? Скажем, вечером, после работы?

Отец довольно долго молчал в трубку, и Марго представила выражение его лица. Прав был Дмитрий Сергеевич — отец удивился и обрадовался, а это значит, первый шаг к сближению уже сделан. Ну, пусть не шаг, пусть маленький шажок, но все-таки.

— Извини, Ритусь, — голос отца звучал уже не так сухо, — но сегодня вечером никак не получится. У меня встреча с партнерами. Освобожусь очень поздно.

— А завтра? — с надеждой поинтересовалась дочь.

— И завтра тоже. Завтра мы с мамой в Большой театр идем.

— Тогда, может, в выходные? — не сдавалась Марго.

— А на выходные нас к Лузиным пригласили, едем на их дачу под Красногорском. На весь уик-энд. Может, поедешь с нами?

— Ну уж нет! — На такую жертву Марго не была готова даже ради налаживания контакта с папой. — Ты же знаешь, что я всю их семейку терпеть не могу. Давай тогда отложим до следующей недели, что ли...

— Нет, дочурка, погоди, — остановил ее отец. — До следующей недели ждать слишком долго. Хочешь, вместе пообедаем сегодня?

— Хочу! — обрадовалась Маргарита.

— Тогда выбирай место.

— Давай в том ресторане на крыше, где мы в прошлом году мой день рождения праздновали, помнишь?

— Это который на бульваре? Ладно, буду там в два часа.

Нажав на кнопку отбоя, Марго бросила айфончик на пушистое покрывало из шикарного искусственного меха и подмигнула

своему отражению в огромном трюме. Начало положено! Она молодец! Как там Дмитрий Сергеевич говорил? «Чудеса человек творит собственными руками. Не жди чуда — начуди себе сам что-нибудь чудесное!»

С психологом ей и вправду повезло. Если бы не он, она, наверное, до сих пор бы не смогла выбраться из депрессии. А так благодаря сеансам психотерапии она, наконец, смогла понять, что причина всех ее проблем кроется во взаимоотношениях с отцом.

Марго с удовольствием поплескалась в джакузи, потом высушила и уложила волосы. Она была натуральной блондинкой и очень этим гордилась, но во всем остальном, кроме цвета, волосы оставляли желать лучшего — слишком тонкие, непослушные, и не прямые, и не вьющиеся, а так, не поймешь что, серединка на половинку. Из-за этого приходилось часто посещать салон красоты и тратить очень много времени на укладку. Сегодня же, кроме укладки, ей нужно было успеть одеться и накраситься. Причем и то и другое нужно было сделать быстро и чтобы понравиться папе. А еще важно было не опоздать. Вот уж чего-чего, а необязательных людей папуля терпеть не мог. Чтобы успеть вовремя, Марго выехала со своего Юго-Запада аж за полтора часа и добралась до центра неожиданно быстро, как-то ухитрившись ни разу не попасть в пробку. Поднялась на крышу, выбрала столик, с которого открывался вид поинтереснее — несмотря на обеденное время, ресторан был почти пуст, заказала себе пока ананасовый лимонад с мятой и сельдереем, стала поджидать отца и от нечего делать размышлять о своем нелегком житье-бытье.

Ведь было, было время, когда они общались с отцом без всяких условностей! Когда они были друзьями и Марго казалось, что так будет продолжаться вечно.

В детстве Маргаритка, как ее звали, обожала своего папулю, ну просто-таки души в нем не чаяла. В этом, конечно, не было ничего особенного, почти все маленькие девочки обожают своих отцов. Но Ритин папа был не просто хорошим — а *замечательным!* Каждый выходной они ходили куда-нибудь вместе: в зоопарк, в цирк, в кино или в кафе — есть мороженое. По вечерам папа чаще, чем мама, забирал ее из садика и вел гулять на детскую площадку, а после ужина сам укладывал спать, целовал в лоб, читал на ночь сказки и пел песни. При этом слуха у папы вообще не было, а у Маргаритки был, и она каждый раз замечала, когда папуля фальшивил — но все равно настаивала, чтобы песни ей пел только отец, а не одаренная музыкальными способностями мама. Лишь однажды, когда Маргаритке было года четыре с половиной, она сделала отцу замечание: «Папуля, ты не так поешь!» и запела сама — правильно. В ответ отец только руками развел: «Что делать, солнышко, не повезло мне. Медведь на ухо наступил!» Услышав такое, Маргаритка тут же представила себе большого медведя, который наступает папе на ухо огромной тяжелой лапой, и разрыдалась от ужаса. С тех пор она больше никогда не указывала отцу на ошибки в исполнении песен — боялась медведя. И продолжала с удовольствием слушать бардовские песни, которые папа пел ей вместо колыбельных. Про лыжи у

печки, про лесное солнышко, про атлантов, которые держат на каменных руках небо, и самую ее любимую «Но капитана ждет красотка Маргарита...». Девочка была уверена, что эта песня про нее, и просто млела, когда папа называл ее «красоткой Маргаритой».

От этих воспоминаний, одновременно и сладких и горьких, Марго усмехнулась. Покачала головой, сделала еще глоток лимонаду, вздохнула... Все это было так давно и одновременно так недавно. Эти чудесные прогулки с папой, интересные игры — только он один умел придумывать такие! — рассказы о его детстве, которые она слушала, раскрыв рот...

Все изменилось примерно через год или два после того, как она пошла в школу. Папа вдруг стал приходить домой очень поздно, когда Маргаритку уже укладывали, а уходить рано, пока она еще спала. Но, что самое неприятное, в выходные его теперь тоже не бывало дома. Мама говорила, что у папы стало много работы, потому что он «занялся бизнесом». Что это за бизнес такой, Рита тогда толком не уяснила и отчего-то представляла себе огромный мрачный серый дом вроде тюрьмы, в котором папу запирают на целый день. Однажды, когда у папы все-таки выдалась свободная минутка, она рассказала ему об этом, и папуля очень смеялся.

— Знаешь, красотка Маргарита, в чем-то ты права, — сказал он тогда. — Только в домах никто меня не запирает. Потому что я их сам строю. То есть не сам, конечно. Строят рабочие, а я показываю, где и как строить, и руковожу всей работой. Правда, ведь это очень здорово — строить дома?

— Наверное... — неуверенно ответила она. — Но почему ты теперь так редко бываешь дома? Разве тебе надо строить и вечером, и в субботу, и в воскресенье?

— Да, к сожалению, — кивнул папа. — Дома надо сдавать в срок. Чтобы в них побыстрее поселились люди. Вот представь себе, что есть семья, такая же, как наша: папа, мама и дочка. Только живут они не в теплой уютной квартире, как мы, а в каком-нибудь тесном холодном сарае, где нет ни водопровода, ни отопления, все время сквозняки и крыша протекает. Вот мы и торопимся достроить дом осенью, чтобы эта семья успела переехать до зимы. Потому и приходится так много работать.

Наверное, папа ждал, что дочь с ним согласится, однако Маргарита уже в том возрасте была сообразительной девочкой.

— Но ведь они же уже много лет живут в своем старом сарае, — возразила она. — Так что вполне могут подождать еще. А ты сможешь не спешить со стройкой и чаще бывать со мной.

Тогда папа засмеялся, правда, как-то не слишком весело. Но потом, спустя много лет, вдруг припомнил дочери этот разговор. «Ты всегда была эгоисткой! — бросил он как-то в пылу ссоры. — Даже во втором касе. Уже тогда думала и заботилась только о себе». Услышав эти слова, Марго очень обиделась и не стала возражать. Жаль, что отец не понял ее, — ведь тогда она заботилась как раз не о себе, а о нем...

С тем, что она стала так редко видеть папу, маленькая Рита никак не могла смириться. Но во всем остальном их жизнь стала постепенно меняться в лучшую сторону. Маргаритке начали покупать все, что

она просила — не только сладости и журналы с наклейками, но и дорогие игрушки, и шикарную одежду. У мамы появилась красивая серебристая машина, на которой теперь возили Маргаритку в школу — и школа тоже стала другая, не школа даже, а гуманитарный лицей. Они переехали в новую квартиру с высокими потолками и видом из окна на Москву-реку, и Маргаритке разрешили самой выбрать любую мебель в ее новую большую комнату — любую, какая ей понравится. Теперь минимум по три раза в год они с мамой стали ездить то отдыхать, то смотреть красивые европейские города, то купаться в теплом море и загорать на белом песке под пальмами, то встречать Новый год в самой Лапландии, где живет Дед Мороз. Все эти поездки были замечательными, жалко только, что папа сумел выбраться вместе с ними всего один-единственный раз — как раз в ту самую Лапландию.

Марго росла, и с годами детские проблемы постепенно стали уходить в прошлое. В ее жизни стали появляться и другие значимые люди, помимо отца — сначала подруги, а потом и друзья. Она увлеклась всем, чем увлекаются девчонки в подростковом возрасте, — модой, косметикой, гаджетами, кино, музыкой, парнями, флиртом, танцами, клубами, ресторанами. И если мама не видела в этом ничего предосудительного, то папа отчего-то был недоволен дочкиным образом жизни. Родители часто спорили на эту тему, и все их разговоры казались удивительно похожими один на другой, словно это была одна и та же нескончаемая беседа, которая периодически прерывалась и каждый раз заново начиналась с одного и того же места.

— Ир, ну нельзя же так! — говорил отец матери. — Ты пойми — у меня нет времени на воспитание Ритки, а ты ею совсем не занимаешься. Девке пятнадцать, а интересов никаких. Что из нее вырастет? В голове одни тряпки да мальчишки. А ты ей во всем потакаешь. Хоть бы устроила ее в кружок какой-нибудь, заниматься чем-нибудь полезным.

— Так она английским аж три раза в неделю занимается, — отвечала мама, накладывая на лицо крем или подпиливая ногти.

— Мало! — восклицал отец. — Слишком много времени остается на ерунду. Я в ее годы и на курсах при институте учился, и во Дворец пионеров ходил в фотостудию, и радиоделом увлекался, и в футбол играл, и в хоккей...

— И что в этом хорошего?! — возражала мама. — Я вот тоже десять лет, как проклятая, в музыкалке отпахала, такое отвращение к музыке заработала, что с тех пор скрипку ни видеть, ни слышать не могу. Нет уж, хватит с Маргаритки английского. И так у них в школе нагрузки большие, нечего перегружать ребенка. Пусть погуляет, пока есть возможность.

— Ириш, но у нее же в голове не просто ветер, а ураган настоящий! — возмущался папа. — Книг вообще не читает, фильмы смотрит самые примитивные, в компьютере только в игрушки играет да на всяких чатах-форумах сидит. Говорил с ней сегодня, упомянул Софью Ковалевскую, так, оказывается, наша дочь даже не знает, кто это такая! Спрашивает, в каком кино та снималась.

Подслушивая тайком эти беседы, Марго только фыркала. Вроде бы папуля у нее не дурак, но иногда такую пургу гонит! Что она,

соплячка малолетняя — в кружки ходить? Она позавчера в клубе с диджеем познакомилась, такой крутой чувак оказался!..

О своем будущем Марго до окончания школы вообще не задумывалась. Вернее, задумывалась, конечно, но это были не столько планы, сколько мечты — каким будет ее муж, как будет выглядеть ее собственный дом, когда она поселится отдельно от мамы и папы, как станет проводить время, когда сделается окончательно взрослой и полностью освободится от родительской опеки. Но вот в какой вуз поступать, чему учиться, какую приобретать специальность — это ее как-то мало волновало. Ни к одной из существующих в мире профессий Марго не испытывала ни интереса, ни особой симпатии. Работать — в том понимании, какое вкладывают в это слово большинство людей, — она не собиралась. Зачем? В жизни масса других, куда более интересных занятий. А зарабатывать деньги ей не нужно. Ее отец состоятельный человек и вполне сможет обеспечивать ее до тех пор, пока она не выйдет замуж за такого же состоятельного и успешного человека. И когда взрослые заговаривали о поступлении в институт, Марго только пожимала плечами, а на ее лице появлялось выражение покорности — как скажете, дорогие родители, так и поступлю. Те же, как обычно, спорили. Мама мечтала отправить дочурку за границу, в Европу или Америку, но папа был категорически против.

— Нет уж, сначала пусть получит высшее образование на родине. А там посмотрим.

В итоге семья пришла к компромиссу. Марго честно отучилась в архитектурном (естественно, на платном отделении), а

потом на три года укатила получать образование в Лондон. В Англии ей понравилось все, кроме климата, и к концу учебы она уже точно решила, что останется жить в Европе. Только не в Великобритании, а где-нибудь в Италии, Австрии или во Франции, где потеплее. Но когда Марго остановила свой выбор на Швейцарии, отец, что называется, обломал ей весь кайф.

— А что ты там делать собираешься? — спросил он, нахмурившись.

— Как это «что»? — изумилась Марго. — Поселюсь в Лугано, на берегу озера, в хорошеньком домике с садом, цветы посажу. А еще обзаведусь яхтой, займусь серфингом, я давно хотела. Зимой буду в горы ездить, на лыжах кататься. У меня в Лугано подружка живет, Оля, ты ее знаешь, она замуж вышла за швейцарца. Так что скучно мне не будет...

— Я не про то, — покачал головой отец. — Как ты собираешься найти там клиентов? Думаю, в Швейцарии своих архитекторов да дизайнеров по интерьеру хватает.

— Клиентов? — удивленно переспросила Марго. — Пап, но я же не собираюсь там работать!

— А на что ты планируешь жить? — сурово поинтересовался он.

— Но я думала, что ты...

— А, ты думала, что я буду тебя содержать и там, — перебил отец, даже не дав ей договорить. — Нет, дорогая, это не входит в мои планы.

— Но как же так, папа? — надулась она. — Я ведь все-таки твоя дочь.

И тут Марго услышала о себе много нового. Отец вдруг вышел из себя и сообщил ей, что дочь-то она ему дочь, вот только такого разочарования, которое принесла ему она, у него ни разу за его долгую жизнь не случилось. Он надеялся вырастить ее хорошим человеком — а получилась эгоистка, пустышка и тунеядка.

Марго тогда в очередной раз ужасно на него обиделась. Какая же она пустышка? У нее очень богатый внутренний мир. Она много читает, и не какие-нибудь там глупые дамские романчики, а серьезную литературу. И из кино она предпочитает артхаус. На фотовыставки ходит, йогой занимается — причем не только для фигуры, но и для души. В общем, со всех сторон продвинутая современная девушка. Но папе что-либо объяснить бесполезно, он если уж упрется, то никаких возражений слушать не хочет.

После этого разговора Марго стало как-то совсем тяжело на душе. Началась апатия, ничего не хотелось, не радовали ни собственная уютная квартирка, подаренная родителями на восемнадцатилетие, ни новенький «Вольво», купленный папой, как только она вернулась из Англии, ни шопинг, ни клубы, ни свидания. Такой подавленной Марго обычно чувствовала себя после разрыва с мужчинами, но никогда еще она не впадала в уныние на такой долгий срок.

«У меня депрессия!» — сообщила она родителям. Мама перепугалась, стала обзванивать знакомых в поисках хорошего специалиста и вскоре вышла на Дмитрия Сергеевича Корсун-

ского¹, модного психотерапевта, который даже вел собственную передачу на телевидении. Папа только усмехнулся: «Депрессия... Скажите на милость! Просто с жиру девка бесится...» Но денег на психотерапевта дал. Марго начала посещать Корсунского, рассказывала о себе, проходила тесты, отвечала на откровенные вопросы, прилежно ставила крестики в бланках, рисовала картинки и сочиняла истории по фотографиям, похожим на кадры из фильмов пятидесятих годов, которые так любила мама. В конце концов психолог объяснил Марго, что ее главная проблема — взаимоотношения с отцом. Она никак не может справиться с комплексом Электры.

— Это что еще такое? — напряглась Маргарита. У нее, как у нормального современного человека, слово «Электра» вызвало ассоциацию не с античными мифами, а с электричеством.

Психолог объяснил, что подобный комплекс есть у многих женщин, во всяком случае, у тех, которым посчастливилось иметь хороших отцов. В детстве такие девочки очень сильно привязаны к папе и, став старше, подсознательно, а порой и осознанно формируют себе идеал мужчины, похожего на отца. Как правило, у них не складывается личная жизнь, потому что найти второго *такого же, как папа*, бывает нелегко. А если он и находится, то возникают проблемы в интимной сфере, потому что женщина подсознательно видит в партнере отца, а секс с отцом — табу.

¹ Персонаж романа Олега Роя «Письма из прошлого».

На Марго эти слова произвели очень сильное впечатление. Она много думала о них и пришла к выводу, что Дмитрий Сергеевич абсолютно прав. С личным у нее и правда всю жизнь было как-то не очень удачно, мужчины постарше на самом деле нравились ей чаще, чем ровесники. И все они действительно, по крайней мере внешне, были того же типа, что и отец — среднего роста, широкоплечие, крепко сбитые блондины с простым и открытым, не претендующим на красоту лицом. Целых три недели Марго под чутким руководством психолога работала над проблемой и достигла неплохих результатов. Депрессия пропала, Марго повеселела, вернулась к прежнему образу жизни, опять начала тусоваться и познакомилась с новым парнем. Лео был на год ее моложе, темноволосый, высокий, худощавый и хорошенький, как картинка в глянцевоm журнале, — словом, ничего общего с папой.

Какое-то время Марго чувствовала себя просто замечательно. С Лео ей было неплохо, а ему с ней — еще лучше, потому что он стал намекать на совместную жизнь и даже на свадьбу. Против брака Марго ничего не имела, все-таки ей уже двадцать пять, почти все подружки и бывшие одноклассницы хоть по разу, да сходили замуж — а она еще нет. Можно было, конечно, сколько угодно корчить презрительную гримаску и заявлять, что ей нравится быть свободной женщиной, что надеть хомут на шею она всегда успеет и что во всем цивилизованном мире от ранних браков давно отказались — но когда, говоря такое, сама себе не веришь, это не слишком приятно. Лео в качестве жениха ее в принципе тоже

устроивал. Не жадный, не нудный, с чувством юмора, с ним на тусовке не скучно и в постели классно. Чем не муж? Несколько смущало только то, что Лео был простым рекламщиком, креативом, офисным планктоном, причем типичным его представителем. К тому же он все еще жил с родителями в их двухкомнатной квартире в Бескудникове. Он купил себе в кредит «Мазду» и теперь постоянно раздумывал, влезать ли в ипотеку — жить с предками его достало, но если взять ипотеку, на шмотки и тусовки в клубах денег не останется.

Самой Марго все это казалось не таким уж серьезным препятствием, однако папа считал иначе.

— Дело не в том, где он просиживает штаны и сколько получает, — заявил он. — А в том, что он именно *просиживает штаны и получает*. А нормальный мужик должен *работать и зарабатывать*. Улавливаешь разницу?

Марго в очередной раз обиделась на отца, но смолчала, чувствуя в глубине души, что доля истины в его словах есть. С Лео она пока еще не порвала, но с разговорами о свадьбе попросила подождать. А сама снова впала в уныние и начала посещать Дмитрия Сергеевича. В результате очередной беседы они с психологом пришли к мнению, что ее сильно угнетает ситуация, сложившаяся во взаимоотношениях с отцом. Необходимо наладить контакт и достигнуть взаимопонимания — иначе она так и не обретет внутреннюю гармонию. Поэтому-то Марго назначила эту встречу с отцом.

Конечно, Михаил Викторович даже не подозревал, какие надежды его дочь возлагает на сегодняшний обед. Он отыскал ее взглядом, улыбнулся, подошел к столику, чмокнул в щеку и сел напротив. Кивнув подавшему меню официанту, он снова повернулся к Маргарите:

— Ну, докладывай, что у тебя стряслось.

— Да ничего не стряслось, папа! — В полном соответствии с психологическими инструкциями Марго лучезарно улыбнулась. — Я же сказала: просто соскучилась.

— Хотелось бы верить... — Отец с сомнением покачал головой. — Ладно, что заказывать будем?

— Мне что-нибудь легонькое, я не голодная. — Она продолжала сиять улыбкой, но внутренне уже слегка напряглась. Похоже, отец сегодня не в лучшем настроении. Не зря ли она затеяла встречу? Как бы все не закончилось очередной ссорой... — И потом, мне скоро в фитнес-клуб ехать, а я ни перед занятиями, ни после стараюсь белка не есть. А то нарастут лишние мышцы, будет некрасиво.

Отец громко хмыкнул.

— Ох, мне бы ваши заботы... Ладно, ты как хочешь, а я поем. — И заказал полный обед, сытный и, с точки зрения Марго, не слишком здоровый и полезный.

— Ну, что вы там с твоим *метросексуалом* решили, жениться-то будете? — поинтересовался отец и подцепил на вилку кусок маринованной селедки.

— Пока подождем. — Марго старалась вести беседу осторожно.

— Ну и славно, — папа доел ломтик черного хлеба и потянулся за следующим. — Честно тебе скажу, дочь: не нравится мне этот твой Лео. Не такого мужа мне бы для тебя хотелось.

— А какого, интересно знать? — осведомилась Марго, отправляя в рот ложечку фруктового салата.

— Да неужели сама не понимаешь? — Он отодвинул пустую селедочницу и кивком дал понять официанту, что можно подавать суп. — Нормального серьезного мужика. Чтоб не порхал по жизни, как мотылек, а прочно стоял на ногах, делом занимался, нормальные деньги зарабатывал. Я ж не вечен, не смогу все время и тебя, и твоего муженька кормить. А еще, бог даст, у вас детки пойдут... Так надо, чтоб в семье хоть один человек путный был. Не жена, так муж.

— А я, по-твоему, вообще не путная?! В смысле — непутевая? — вспылила Марго, у которой от возмущения тут же вылетели из головы все инструкции психолога.

Отец с грустью посмотрел на нее.

— Ну а разве не так, Рита? — проговорил он после небольшой паузы. — Ты сама-то на себя посмотри. Двадцать пять лет — а чего достигла в жизни? Да, у тебя есть квартира, машина, шмотки и цацки — но это все я тебе купил. А сама-то ты что собой представляешь? Ни одного решения в жизни не приняла, ни единого самостоятельного шага не сделала, ни ко-

пейки не заработала своим трудом! Сколько можно быть такой инфантильной, Ритка?

— Это я-то инфантильная? — Марго уже кипела и бурлила, как ночная жизнь в центре Москвы. — Да я, если хочешь знать, хоть завтра могу начать работать! С моим-то образованием.

— Работать? Да не смей меня! — Отец даже ложку отложил. — Что ты можешь? Цвет обоев подбирать? Подушечки по диванам раскладывать? Вазочки по полочкам расставлять? Тем клиентам, которых мама с папой за ручку приведут. Это не работа, Рита, это баловство.

— Ну да, конечно, лучше бы я у тебя на стройке бетон месила! — повысила голос Марго.

— Еще чего! — засмеялся отец. — Тебя и близко к стройке нельзя подпускать. Ты бы там таких дел натворила... Да и сама бы и дня не выдержала.

— Да ладно! — фыркнула дочь. — Не преувеличивай. Я все-таки архитектурный закончила, не забывай. Могла бы и на стройке работать.

— «Свежо предание, да верится с трудом», — процитировал классику папа и снова зачерпнул ложкой суп, давая понять, что не видит смысла продолжать этот разговор. Но Марго уже завелась.

— А спорим? — заявила она. — Вот давай, устрой меня к себе на работу. На какую-нибудь стройку. Прекрасно я выдержу... ну, скажем, месяц. Забьемся?

— Месяц — это несерьезно, — рассмеялся отец.

— Хорошо, пусть будет два. Или даже три.

— А полгода слабо?

— Ну, смотря кем работать... — запоздало осадила коней Марго.

— Ага, испугалась, — усмехнулся он. — Уж конечно, плиточником или штукатуром тебя не поставил бы. Мне это самому было бы невыгодно, переделывай потом все за тобой... А вот, скажем, стажером к прорабу легко бы отправил. У меня сейчас как раз есть подходящий объект — на этапе отделки. Именно через полгода запланирована сдача. Ну да ладно, все это пустые разговоры в пользу бедных. Эх, и хорош у них грибной супец!.. Хоть вторую порцию заказывай.

— Папа, не переводи разговор на другую тему! — Марго внезапно ощутила, что полна решимости. Ее точно озарило — вот он, ее шанс! Если она сейчас настоит на своем и сумеет выиграть пари, это разом изменит отношение отца к ней. — На стажера я согласна. Забываемся.

— Ну-ну, — хмыкнул отец. — Давай попробуем... На что хоть спорим-то?

— А на желание! Если я полгода проработаю на этой твоей стройке, то ты сделаешь все, что я попрошу. И учти, это будет такое... — хитро улыбнулась Марго. — Заранее трепещи!

На самом деле, у нее пока даже мыслей не было, что требовать с отца, но она не сомневалась, что за шесть месяцев успеет придумать. Ей был важен не приз, а победа.

— А чего мне трепетать — я ж знаю, что вообще ничем не рискую, — снова засмеялся папа. — Ну, ладно, раз уж ты так хо-

чешь, оформлю тебя в Вешняки. Но учти, начальник у тебя будет крутой. Бывалый моряк, морской волк, можно сказать. Спуску тебе не даст. Георгием звать... Бывший боцман с грузового судна. У такого не забалуешь.

Глава третья

Морской волк

Как раз в это время Георгий Капитонов, бывший боцман с грузового судна «Нижний Тагил», бывалый моряк и, можно сказать, морской волк, у которого не забалуешь, подъезжал к строящемуся зданию в Вешняках на мотоцикле фирмы «Сузуки».

Георгий прекрасно понимал, что езда на байке по московским улицам и дорогам — не что иное, как растянутое во времени самоубийство. Но садиться за руль обычного автомобиля он принципиально не хотел. Видимо, сказывалась неугомонная натура бывалого моремана. Не мог он обходиться без риска, без упругого встречного ветра в лицо. Стояние в пробках, муторное ожидание было не для него, общественный транспорт с его толкотней — тем более. А ездить на чем-то надо, город большой, без колес никак нельзя. Так что он почти сразу по возвращении в Москву посетил салон на Пресне, из которого сразу же выехал на новом «железном коне». И понял: байк — это не средство передвижения, это состояние души. К тому же мотоцикл оказался хорошим решением

транспортной проблемы — и стильно, и лихо, и автомобильный затор объехать — раз плюнуть.

Согласно договоренности, к работе он должен был приступить с завтрашнего дня, но ему не терпелось поскорее своими глазами увидеть объект, чтобы хоть примерно представить себе, с чем предстоит иметь дело. Что греха таить — он волновался, и волновался не на шутку. Потому что одно дело — организовать ремонт в обычной квартире, и совсем другое — руководить процессом отделочных работ в огромном здании. На такую серьезную вахту он выходил первый раз в своей жизни. Да и не ожидал он, что все срастется так быстро. Когда случайно пересекся в Интернете с *братишкой* Володией и закинул удочку насчет работы, то особо и не надеялся на результат. И был очень удивлен, когда спустя пару дней с ним связались и назначили встречу с самим «капитаном» «Билд-Строя» Ереминым. Лично. Георгию это очень понравилось. Он и сам всегда придерживался мнения, что, если хочешь по-настоящему узнать человека, дай ему возможность самому рассказать о себе словами и поступками — не делай выводов из того, что говорят о нем другие.

Встречей он остался доволен. И, похоже, это получилось взаимно, поскольку уже на следующее утро Георгия пригласили в офис, оформили все бумаги и тут же отправили на инструктаж к какому-то эйчар-менеджеру. Этот самый эйчар (и слово-то какое дебильное!) ему не понравился — типичная сухопутная крыса. Наглажен, надушен, прилизан, выбрит до блеска — морда, как

только что надраенная палуба — а ощущение вызывает гадливое. Но антипатий своих Георгий, ясное дело, показывать не стал, терпеливо слушал, что долдонит менеджер.

— Вы, главное, следите, чтобы пожара в бытовках не случилось, — бубнил холеный эйчар. — За пожар, если, не дай бог, с жертвами, до семи лет срока дают, а то и больше... Мы, конечно, своих не бросаем — отмазываем как можем, но всякое бывает, понимаете? Да, и еще: нелегалов мы на стройке не держим, себе дороже. Рабочие все с регистрацией, миграционными картами, официально оформлены, посчитаны, как говорится, по головам. Так что с этой стороны проблем быть не должно. А если что случится, так и говорите следакам: рабочие были пьяны, неосторожно обращались с огнем, электричеством, водой, острыми предметами, друг с дружкой — в общем, вы тут ни при чем, начальство — тем более. Но не дай бог, случится пожар...

Георгий только поморщился. Уж кому-кому — а ему точно не надо рассказывать, как страшен и опасен бывает огонь. Особенно на судне. Это только глупые девчонки на берегу удивленные глазки делают: «Так там же вода кругом, разве трудно потушить?» Трудно, девочки, очень трудно. И деваться с горящего судна некуда...

Он до сих пор во всех деталях помнил ту ненастную ночь. Он, как обычно, усталый как собака, завалился спать под ровный шум за переборкой — там находилось машинное отделение с его неумолчным гудением, клочкотанием, беспокойной жизнью

железных механизмов. Казалось, только успел закрыть глаза, как тут же раздались крики. Аврал, пожар в машинном. Все тотчас повскакали с коек. Матрос ли ты, боцман, штурман, да хоть старпом — неважно, тревога общая. Всем быть в полной готовности, согласно своей должности и инструкциям. Пожар — дело нештучное. Все вместе кидаются бороться со стихией, все надеются на счастливую моряцкую звезду да молятся всем, каким только можно, богам... Им с ребятами в тот раз сильно повезло — обнаружили пожар рано, навалились дружно, действовали согласованно. На корабле все — одна команда, и помирать, если что, все вместе будут. Потому-то морские всегда марку держат перед сухопутными. На борту все друг за друга отвечают, в беде не бросают. Твердо знают: всегда сам решай, что возможно, а что невозможно — не позволяя это делать своему страху и сомнениям. Так что потушить пожар удалось быстро, причиненный огнем ущерб удалось кое-как устранить. Уже потом, в ближайшем порту, надежно починились...

Много еще таких ночей и дней было у Георгия. Как только здоровья хватало! Однажды он принимал участие в спасении экипажа затонувшего краболова и выпал из спасательного катера. Всего-то минут десять побарахтался в ледяной воде, а потом две недели валялся в больнице. И ничего — обошлось. Но все чаще он чувствовал, что начинает уставать от этой трудной кочевой жизни. Так что, может, и хорошо, что его на берег списали. Если даже в очень сложной ситуации у тебя есть выбор — это уже повод для оптимизма! Опять же, годы идут,

уже за сороковник перевалило, и он не молодеет. Неизвестно, сколько лет он еще смог бы бодро нести службу, независимо от того, выпался или нет, не ворча, не жалуясь, в любую погоду, не думая о простуде и о прочих хворях и недомоганиях. Хотя, конечно, остался бы на борту — все равно смог бы. Ведь море — мечта всей его жизни.

Собственно, в том, что еще в детстве он начал грезить о дальних плаваниях, не было ничего удивительного. В определенном возрасте почти все мальчишки и добрая половина девочек бредят морем. Начитаются Жюль Верна, посмотрят фильмы о пиратах и героических путешественниках — и мечтают стать моряками. Пока не придет черед нового увлечения. Вот только у него этот черед так и не наступил. Он все так же зачитывал до дыр книги на морскую тематику, всерьез изучал специальную терминологию, устройство разных кораблей и систему управления ими, а как только позволил возраст, записался в детскую мореходную школу «Бригантина» и за все годы учебы не пропустил без крайней необходимости ни одного занятия. Из его родных подмосковных Люберец до любого моря было далеко, но его такие вещи не смущали. На высшее образование он не замахивался, сразу в капитаны не рвался, его вполне устраивала специальность матроса. Родители, к тому времени уже осознавшие, что спорить с их сыном бесполезно, только махнули рукой, когда он сообщил, что поступать в мореходку будет в Одессе. После училища его распределили на сухогруз, приписанный к Новороссийску. Там Георгий и

поселился, сначала комнату получил, потом, когда женился, квартиру. Восемь с лишком отходил матросом, а потом, когда ушел на пенсию старый боцман Иваныч, которого уважала и побаивалась вся команда вплоть до старпома, занял его место. И оставался на той же должности, хоть и на разных посудинах, несмотря ни на что — ни на перестройку, ни на распад Союза, ни на прочие катаклизмы... До тех пор, пока не случилась та неприятная история, о которой у Георгия не было никакого желания вспоминать. Но он жил по принципу «Никогда не нарушай правила! Особенно те, которые установил сам для себя. На основании собственного опыта».

Самое обидное, что лично его вины в произошедшем не было никакой. Разве что недальновидность. Хотя вроде бы и чувствовал, что обстановка накаляется, но решил, что кричать «Полундра!» еще рано, пустил дело на самотек — вот и поплатился. А все из-за этого Василия, парня из Краснодарского края. Георгию он сразу не понравился — нехороший у человека взгляд, тяжелый, недобрый. Но он до последнего момента не придавал особого значения своей антипатии к Василию. Флот — не институт благородных девиц, тут ангелочков с крылышками не встретишь. Ничего, думал он, и с этим Василием сработаемся, не таких обламывали.

Надо отдать Василию должное, работал-то он как раз хорошо, тут у боцмана к нему нареканий не имелось. Но вот характер имел крайне неуживчивый, хуже того — агрессивный. Чуть что — заводился с полоборота, на пустом месте, но при

этом и сам постоянно задирает других ребят. Сколько раз дело доходило до драки, но обычно обходилось. Ну, сцепится кто-то с Василием, растащит их, походят оба «героя» с синяками и разбитыми костяшками. Но однажды не обошлось, драка завязалась что-то уж очень серьезная, не один на один, а целая куча-мала, и Васька, чтоб ему ни дна ни покрышки, достал нож и пырнул в живот своего оппонента — неплохого парня, отца двух детей. Спасти того не удалось. Ваську, конечно, судили, но легче от этого не стало никому, ни семье убитого, ни самому Георгию, которого тоже назначили виноватым — не углядел, недоработал, допустил нарушение дисциплины в команде. И то, что драка произошла ночью, когда боцман спал у себя в каюте после тяжелой вахты, никого не трясло.

После списания на берег Георгий не остался в Новороссийске — там его уже ничего не держало. Путь в море был отныне заказан, а семья давно распалась. Маринка однажды не дождалась муженька из очередного рейса, сошлась с каким-то шеф-поваром из элитного ресторана. Впрочем, Георгий тогда не очень переживал ее уход, больше удивлялся: Маринка всегда была помешана на похудании, лишнюю крошку боялась съесть и — на тебе! — ушла к повару! Да еще, судя по рассказам досужих кумушек, для которых нет в жизни больше кайфа, чем наступать моряку на то, как вела себя жена, пока он был в плавании, сама этого повара соблазнила и сама потащила под венец. Это Маринка-то! Та самая Маринка, за которой вечно ходили толпы поклонников, которая всегда задирает нос и повторяла: «Твое

сердце — не проходной двор — давай от него ключи только достойным!» Собственно, именно поэтому Георгий на ней и женился. Не по любви, а из чувства соперничества, азарта победить и оказаться в битве самцов самым лучшим. И вот чем все закончилось. Хорошо еще, что детей не нажили.

Так он и вернулся «на историческую родину», в неузнаваемо изменившиеся за годы его отсутствия Люберцы, в родительскую двушку. Отца уже не было на свете, они похоронили его шесть лет назад, а мать не могла прийти в себя от радости, что единственный сын снова будет рядом и у нее вновь появился кто-то, о ком можно заботиться. Работать с его специальностью в столице было негде (не идти же на прогулочное корыто, которое катает свадьбы и корпоративы по Москве-реке!), и он решил заняться бизнесом. Не жди, что судьба изменит тебя, — изменяй свою судьбу собственными руками! Организовал фирмочку, стали делать ремонты, но дела шли ни шатко ни валко — слишком большая конкуренция. Летом еще так-сяк находились заказы, но с октября начинался мертвый сезон. Потому он и намекнул Володе, что ищет работу. Правда, надеялся при этом на возвращение в море.

Ладно, теперь все это уже позади — его беспокойная морская жизнь со всеми штормами и штилями, авралами и вахтами, отданными швартовыми и возвращениями в порт, и его так и не ставшая счастливой семья. Казалось бы, пора уже оставить прошлое в покое и жить настоящим, учитывая, что не так уж много нам отпущено будущего. А все никак, все ненужные воспоминания в голову лезут.

А эйчар тем временем все распинался и распинался на тему техники безопасности. Нашел, блин, кого учить!..

— Ладно, я все понял, — прервал его бесконечные излияния Георгий. — Когда мне выходить на объект?

И услышал в ответ:

— Да хоть завтра! На стройке, знаете ли, время особенно дорого...

Потому Георгий и решил не тянуть кота за все места, отправился в Вешняки с утра, тем более что и от дома это было совсем недалеко. Кто его знает, что будет завтра? Наплюй на прогнозы синоптиков — как пройдет твой день, зависит только от тебя. Ехал, зорко оглядываясь по сторонам, запоминая дорогу — прокладывал курс. Теперь этот путь ему предстоит проделывать ежедневно. А вот и стройка показалась.

Стройка...

При этом слове у любого несведущего человека перед глазами сразу же возникает высокий забор, подъемные краны, бытовки, выезжающая из ворот грузовая техника... Георгий вспомнил, с каким любопытством в детстве они с друзьями-мальчишками заглядывали в щели забора, пытаясь разглядеть, что делается на строительной площадке. Отчего-то всех мальчишек манит кипящая там загадочная жизнь. В детстве забраться на стройку было самым настоящим подвигом. Гошка с приятелями много раз, набравшись храбрости и презрев все запреты взрослых, проникали через дыру в заборе на строительную территорию. Вот тогда-то можно было не только все разглядеть в подробностях,

но и разжиться вождеденными сокровищами — ржавыми металлическими уголками, осколками цветной кафельной плитки, а если повезет, то и почти целым ее квадратиком, кусками звонких рыжих кирпичей, из которых потом можно было вытачивать шершавые фигурки — шарики, сердечки, кубики. Надо было терпеливо тереть куском кирпича об асфальт, чтобы придать ему ту или иную форму... Особенно ценились у мальчишек кусочки свинца от оплетки телефонных кабелей. Свинец плавил на огне в консервных банках и выливали в ямки на песке, придавая разную форму — пистолетов, сабель, самолетов, кораблей — и получались фигурки, которые тут же становились предметом всеобщей зависти.

Набег на стройку должен был совершаться быстро, пока не заметила охрана. А когда становилось ясно, что присутствие лазутчиков на запретной территории уже перестало быть тайной, приходилось со смехом и с замирающим сердцем улепетывать. Зато потом можно было горделиво рассказывать в красках менее смелым и не участвовавшим в дерзкой вылазке товарищам, как их преследовал ужасный сторож, грозя перемолоть в бетононешалке.

И вот сейчас время словно вернулось: он опять проник на таинственную территорию стройки. Как в детстве. Что ж, наверное, это не так плохо. Ведь не зря говорят: никогда не забывай о том, что в детстве приносило тебе счастье.

Правда, теперь уже просто так, за здорово живешь, на стройку не пройти. Никаких дыр в заборах нет, за этим строго

следят, а вход преграждают надежные ворота, с будкой охраны. Ни одному владельцу строительной компании не интересно превращать площадку в проходной двор. Техника нынче дорогая, спрос на нее большой, а народ кругом ушлый, только зазеваешься — сразу уведут из-под самого носа. Да и с малолетними озорниками нынче совсем другой разговор. Не дай бог, с ними что-то случится на площадке — отвечать будет фирма, и отвечать по-крупному.

Охранники на входе свое дело знали и к Георгию, подкатившему к воротам на «Сузуки» под аккомпанемент группы «Deer Purple», сначала отнеслись недоверчиво. Однако тот воспринял это как должное, даже, наоборот, порадовался — это ж здорово, что ребята так хорошо несут службу. Показал документы, созвонился с диспетчерской... в смысле — с головным офисом, и все уладилось. Охранники даже показали место, где лучше всего оставить байк, — чуть в стороне от ворот, прямо за будкой, и напомнили первым делом надеть каску.

Зайдя на территорию, Георгий снова невольно отметил, что с далеких времен его детства стройка, по крайней мере московская, изменилась в лучшую сторону. С виду все строительство выглядело опрятнее — высокий забор, современные благоустроенные бытовки в два этажа. Колеса выезжающих с площадки машин моют из шланга, чтобы не разносить грязь по округе. Ну и конечно, продвинутая техника, всякие агрегаты, требующие специальных навыков и знаний, новые материалы, с которыми тоже нельзя иметь дело без подготовки. Нынешние

строители и отделочники неспроста считаются элитой среди рабочих, особенно приезжих — они должны быть квалифицированными специалистами. Неумехам в этой области делать нечего. Но и отдача соответственная. Всякое, конечно, бывает, но если в строительной компании есть какой-никакой порядок, то рабочим платят неплохо и вовремя, да и условия жизни получше, чем в других сферах, нуждающихся в труде приезжих, — уборке улиц, рынках, вредных производствах, общепите. Но именно что *получше*. Потому что для человека, привыкшего к комфорту городской квартиры, ванне и диванам с креслами, работа на улице при любой погоде и жизнь в передвижных домиках-вагончиках рядом с грохочущей стройкой реально очень тяжела. Хотя Георгия работа в подобных условиях совсем не смущала. На море бывало потрудней — и ничего, справлялся. В любом случае он знал: хочешь перемен — действуй! Если все время только ждать и надеяться, можно остаться ни с чем, а точнее, наедине с прожитой впустую жизнью.

Закинув голову, Георгий оглядел вонзившийся в небо серый остов. «Солидная посудина!» — отметил он про себя. Издали все это — высокий забор, каркас здания, шум работающих механизмов — и впрямь напоминало громоздкий корабль, неведомо как очутившийся на суше. Георгий покачал головой: сколько же труда надо приложить, чтобы эта бетонная коробка стала уютным человеческим жилищем. И он должен провести этот бетонный корабль через все бури и мели, доставить в надежный порт и во всем параде пришвартоваться у причала.

Засмотревшись на здание, он чуть не угодил в яму, заполненную мутной водой. Хорошо, что его вовремя окликнул звонкий девичий голос:

— Ой, дядичко, так вы ж дивитесь себе пид ноги! Так ведь и утопнуть недовго!

Георгий чертыхнулся и отскочил от ямы.

— Что это вы тут такую грязь развели? — возмутился он, тут же включившись в роль начальника.

— Яка така грязь? — певуче откликнулась девушка. — Це ж стройка, а не бульвар, где парочки гуляют.

Георгий внимательнее пригляделся к своей собеседнице. Молодая, на вид вряд ли больше двадцати пяти. Невысокая, смуглая, с темно-кариыми лукавыми глазами и толстой косой. Бесформенная рабочая спецовка не могла скрыть, что фигурка у девушки хоть куда, несмотря на явно не модельный рост: стройная, гибкая, с соблазнительными формами. И двигается девчушка легко, не без врожденного изящества.

— А вы навіщо сюда пришли? Сюда посторонним нельзя! — поинтересовалась она, в свою очередь разглядывая Георгия.

— Ничего, — усмехнулся тот, — мне можно. Я теперь тут у вас буду работать. Прорабом... — значительно добавил он, чем сильно удивил девушку.

— А як же Евгений Витальевич? — изумилась она.

— Сидоренко? Так его на другой участок перевели. Вы разве не знали?

— Та ни, не слыхала... — Она с любопытством таращилась на него большими черными глазищами.

— Зовут меня Георгий Владимирович, — представился он. — А тебя как звать-величать?

— Та Маричка... — зарделась девушка.

— Вот и хорошо, Маричка. Ну, а коли уж ты моя первая знакомая здесь, то покажи-ка мне, что и где у вас тут находится.

— Ой, та мне ж на склад надо, бригадир послав... — растерялась девушка.

— Ничего, с бригадиром я договорюсь. — Георгий решительно шагнул вперед.

Минут за десять, максимум — за четверть часа, они обошли всю территорию, осмотрели складские навесы, контейнеры и времянки, где прятались от осенних дождей отделочные материалы, оглядели расположившуюся там и сям самую разнообразную технику. Значительную часть территории занимали вагончики из крашеного синей краской оцинкованного профиля. В одних жили рабочие, другие были отведены для разных бытовых нужд: столовая, душевые, прачечная, сушильня, подсобки для хранения личных вещей. В одном из таких вагончиков, стоявшем чуть в стороне от «городка» строителей, и находилась так называемая прорабская. Войдя туда, Георгий огляделся. Шаткий стол с телефоном, обмотанным изоляционной лентой, десяток разнокалиберных стульев, графики на обшитых вагонкой стенах, какие-то папки на грубых металлических стеллажах. Так вот он — капитанский мостик, откуда он будет командовать громоздким бетонным судном под названием «Нева-

ляшка». О прозвище он узнал, разумеется, от Марички — девушка уже успела не раз вернуть это словечко, рассказывая о стройке. На мгновение он растерялся — с чего же начинать? Может, зря он поторопился приехать сюда, не договорившись о встрече с прежним прорабом или хотя бы с кем-то, кто мог бы ввести его в курс дела? Ладно, опыт — дело наживное.

— Слушай, Маричка, а отведи-ка меня по бригадам. Хочу на людей посмотреть, с кем работать придется, с бригадирами познакомлюсь. В общем, узнаю, что за команда у меня на борту, да и команда пусть на меня посмотрит...

Вместе они прошлись по тем этажам высотки, где уже начались отделочные работы. Георгий внимательно приглядывался к тому, чем заняты строители, разговаривал с бригадирами, знакомился с народом. Его самолюбию льстило, что, завидев его рослую, внушительную фигуру и услышав тренированный командный голос, люди невольно подтягивались и глядели уважительно. Это хорошо, дисциплина на борту — важная вещь. Да и произвести должное первое впечатление очень важно.

Как убедился Георгий, публика на стройке подобралась разная. Разумеется, в подавляющем большинстве «гости из ближнего зарубежья», люди, чьи родители (а иногда и они сами) еще помнили то время, когда все жили в одной большой стране, считали себя единым народом и в массе своей вообще не обращали внимания на то, что их сосед имеет другую национальность. И вдруг как-то резко все стало по-другому. Но Георгия это не волновало, он привык работать с предста-

вителями самых разных национальностей. В наше время почти на любом корабле команда разношерстная — чем больше численность экипажа, тем больше наций представлено. Так что Георгий понимал, что сложность в этом вопросе только одна — не путать одну национальность с другой. Потому что некоторые люди даже молдаван от украинцев отличить не могут, не говоря уж о том, чтобы увидеть разницу между таджиком, узбеком, киргизом или казахом. А у него в этом деле опыт был большой. Ему доводилось общаться и с европейцами, и с американцами, и с австралийцами, так что он в большинстве случаев мог определить, откуда родом его собеседник, для которого английский язык родной, — из Англии, из Штатов или из Австралии. Но с ними он встречался больше в портах, а в рейсы чаще ходил с азиатами. И каждый раз, отправляясь в рейс, он давал установку команде не путать китайцев, филиппинцев, малайцев, вьетнамцев, корейцев, тайцев, индонезийцев... Так спокойнее, национальная гордость — дело тонкое. И уж тем более не допускал он никаких, даже мельчайших, намеков на шовинизм. Георгий был твердо убежден: никогда не надо говорить человеку, что он в чем-то не такой, как все, слабый или неправильный. Он ведь может поверить, и это сломает ему жизнь. Лучше всегда говорить про всех только хорошее. Плохого вокруг и так достаточно.

Обход «дозором своих владений» Георгий закончил уже к вечеру. Темнело, работа на всех участках сворачивалась, строители расходились по бытовкам. Выйдя на площадку, новый прораб

оглянулся по сторонам в поисках Марички — увлекшись, он забыл даже поблагодарить свою провожатую за экскурсию по стройке. Но девушки нигде не было видно, наверное, уже куда-то убежала.

Глава четвертая

Девушка из Закарпатья

Конечно, Маричка убежала. Ей действительно некогда было разговаривать разговоры после работы. Сегодня они с подружкой Зухрой дежурные по кухне, нужно скорее приготовить ужин.

Днем рабочие в основном питались в столовой через дорогу, там было вкусно и недорого, но вечерами многие, преимущественно женщины, готовили что-то и сами. Для этой цели, под кухню и столовую, на стройке была отведена специальная бытовка, и Маричка и ее соседки по вагончику охотно ею пользовались. Скидывались деньгами, по очереди стряпали ужин на всех и дружно ели за общим столом. Почти как одна семья.

Это только при взгляде со стороны стройка довольно однообразное зрелище. Ну, бетонная коробка, ну, копошатся люди, стрекочут или ревут механизмы, вздымаются клубы пыли. Кажется, проходит день за днем, а здесь ничего не меняется. И люди в этом мирке походят на безликих муравьев, выполняющих скучную механическую работу.

Но так кажется только по незнанию. На самом деле стройка — живой организм, существующий по своим неписаным законам.

Что-то вроде военного лагеря, средневекового монастыря, индийского ашрама, крепости на горе. И верно, стройка во многом похожа на крепость. Забор по периметру, вышка-здание и, разумеется, гарнизон, который все это укрепляет, охраняет, движет к завершению. Это потом, когда сдадут объект и заселятся жильцы, крепость станет самым обычным городским домом, сольется с другими зданиями на улице, утратит свою обособленность и таинственность, станет обычной деталью городского пейзажа. Но пока «Неваляшка» была и оставалась своеобразным островом среди обычных городских кварталов. И населяли этот остров самые разные люди. Посмотреть — так то ли вавилонская башня, то ли самый настоящий интернационал, мечта революционеров начала двадцатого века. Тут и неизменные таджики, и молдаване, и украинцы, и целый спектр представителей кавказских и закавказских народов, несколько бурят, калмыков, татар, не говоря уж о русских. В общем, этакий Ноев ковчег, особенно если принять во внимание собак и кошек, традиционно обитающих в подобных местах. И все обитатели этого острова, или, если угодно, ковчега, находились в сложных и самых разных отношениях между собой. У каждого своя история, своя судьба, кто-то враждует, кто-то дружит, а кто-то в кого-то влюблен...

Примерно такие мысли проносились в голове у Марички, пока она поспешно нарезала лук и морковь для щей. Вскоре к ней присоединилась подружка Зухра, которая бегала после смены отправлять деньги домой, в Душанбе, и в четыре руки дело пошло веселее. За готовкой девушки болтали, не замолкая — обсуждали